

Алексей Будищев

Западня

Алексей Николаевич Будищев

Западня

Аннотация

«В кухне было душно и пахло пригорелым салом. От плиты палило тропическим жаром, несмотря на то, что дверь и окна были растворены настежь. Повар Аверьяныч, худенький и маленький человечек лет пятидесяти, с угрюмым лицом запойного пьяницы, сидел у стола. Он только что отпустил господам последнее блюдо к ужину и, на досуге попивая водочку, рассказывал своей молоденькой женке Марфеньке разные страшные истории о кладах. Аверьяныч вечно бредил какими-то кладами, а когда напивался пьян – горой Афоном...»

Алексей Будищев

Западня

(*Посвящается
нашим спиритам*).

В кухне было душно и пахло пригорелым салом. От плиты палило тропическим жаром, несмотря на то, что дверь и окна были растворены настежь. Повар Аверьяныч, худенький и маленький человечек лет пятидесяти, с угрюмым лицом запойного пьяницы, сидел у стола. Он только что отпустил господам последнее блюдо к ужину и, на досуге попивая водочку, рассказывал своей молоденькой женке Марфеньке разные страшные истории о кладах. Аверьяныч вечно бредил какими-то кладами, а когда напивался пьян – горой Афоном. И тогда он мечтал найти клад и отнести на святую гору икону Пантелеймона-целителя, всю осыпанную драгоценными камнями. Аверьянычу казалось, что после этого тоска, которая вечно сосет его сердце, покинет его, зачахнет и издохнет, придавленная могучей пятою святого целителя. Аверьяныч досказал свою страшную историю и замолчал; в кухню вошла горничная Наташа; она взяла из-под плиты углей для самовара и, вильнув юбками, исчезла в дверях. Марфенька, в это время вязавшая у лампочки какое-то

рукоделье, приподняла от работы свое хорошенькое личико и сказала:

– А у нас, Лука Аверьяныч, в старой бане тоже все неладно. И тоже кто ее знает отчего! Вчера туда кушетку ненужную поставили, например, а сегодня пришли – она кверху ногами стоит. Караульщик, слышно, ночью в окне огонек видел, – добавила она уже совсем таинственно.

Марфенька спустила петлю, нахмурила хорошенькие бровки и опять сказала:

– Кажется, обещай мне миллион и ни за что бы туда ночью не вошла! Ни за прянички!

Повар вытер рукавом жиденькие усы и бородку.

– Клад там, Марфенька, беспрременно клад, – отвечал он. – Склеп там, как раз у самых у дверей банных. У самого порога, потому стукнешь палкой, отдается звонко так, ажно гул идет. У-ху-ху-ху, – сделал повар губами, изображая подземный гул. – Склеп там, Марфенька, а в склепе беспрременно кадушки с золотом. Нечистые и стерегут, забавляются во-круг, всякую мерзость творят. Это бывает!

Аверьяныч налил себе четвертый стаканчик водки. Марфенька вздохнула и передернула круглыми плечиками.

– Не говорите, Лука Аверьяныч, к ночи страх берет! Не люблю я этих самых... нездешних жителей!

Повар выпил водку.

– Это бывает. Да, – снова сказал он. – В склепе, небось, зеленые крокодилы с огненными глазами лежат; ведьмы,

небось, голобрюхие с чертенятами в чехарду играют. Да. З-забавно, – протянул он, как будто со вкусом.

Странно сказать, а он как будто бы весьма даже любил эту нечистую породу.

Марфенька вздохнула снова.

– Не говорите, Лука Аверьяныч, к ночи! Во сне еще увидишь этих ночных соблазнителев!

Аверьяныч встал, позевывая.

– А я, Марфенька, спать к кучеру на сеновал пойду; здесь душно.

Марфенька приподняла от работы личико.

– Идите, Лука Аверьяныч, идите! – сказала она что-то уж очень покорно и что-то уж очень сладко.

Повар посмотрел на розовые щечки жены, почесался и невольно подумал: «Ишь, какая она у меня хорошенькая. Цветет точно розанчик; и то сказать, восемнадцать лет бабеночке, а я стар, ох как стар. Как бы не барин, и не женился бы. Да! Сам Илья Петрович сватом у неё был; она, говорит, мне родственница, двоюродная крестница; двоюродный братец мой ее крестил».

Аверьяныч снова почесался, взял засаленную подушку и войлок и, шмыгая стоптанными калошами, вышел из кухни, нашептывая:

– Клад там, беспрременно клад околь старой бани; а нечистые стерегут и забавляются. Небось, верхом друг на дружке ездят, пылят, стучат, кувыркаются. Х-химики двоерогие!

Его голос смолк. Марфенька бросила на стол рукоделье, зевнула, потянулась и, вспомнив о чем-то, внезапно улыбнулась и покраснела. Она встала, пересела к окну, вздохнула и стала смотреть на звезды.

А Аверьяныч лежал на сеновале и все еще думал. «Да, вот тоже клад. С голыми-то руками его не скоро возьмешь. Походишь околь и назад ни с чем отойдешь. Для каждого клада нужно особое слово знать». Повар повернулся на другой бок.

Ему не спалось; в голове его от печного жара и водки стучали молоточки; перед глазами точно золотые червонцы мелькали. Внезапно ему пришло в голову: «А что если взять сейчас лопату, пойти к старой бане и копнуть хоть немножко? Может быть, клад-то и не глубоко положен. Это тоже бывает. Другой раз лопатой копнешь и глядь – корчага с золотом!» Аверьяныч присел на своем войлоке.

– Может быть, стоит лопатой копнуть, – шептал он, чувствуя, что в его голове начинает плыть золотой туман от мелькающих перед глазами червонцев. Аверьяныч нащупал рукою калоши, обул их на босые ноги и, как был – распояской и без шапки, – слез с сеновала. Затем он нашел у конюшни железную лопату, которую конюх прибирает накопленный за ночь в стойлах навоз, и пошел двором к саду.

Ночь была тихая и темная. Весь двор был погружен во мрак. Скелеты различных строений вырисовывались тут и там угрюмые и молчаливые. Повар взял лопату, как ру-

жье, на плечо, прошел весь двор, обогнул маленький барский домик и вошел в сад. Выходившее из дома в сад окно проливало целые потоки света. Аверьяныч заглянул в комнату. Там за чайным столом сидели Дубняковы муж и жена и недавно нанятый письмоводитель Ильи Петровича (Дубняков служил земским начальником) – Аграмантов. Илья Петрович, мужчина лет пятидесяти, худой и долговязый, рассказывал, что-то про охоту. Серафима Антоновна, полная, лет под сорок, дама, красивая и хорошо сохранившаяся, качала головкой и закатывала глазки. А Аграмантов слушал и краснел. Аверьяныч подумал: «Ишь полунощничают, делать-то им нечего!» и пошел садом. В саду было еще темнее. Только осыпанные цветом яблони, вишни и сирени белели точно в инее. В кустах жимолости, звонко отчеканивая металлические звуки, пел соловей, и Аверьянычу казалось, что эти звуки рассыпались в темной куще берез, как золотые червонцы. Повар двинулся в путь. Скоро он подошел к старой бане, остановился в нескольких саженях от неё и оглядел ее, как человека, сверху донизу. Баня стояла в углу сада на пустыре, старая и давно брошенная, с покосившейся тесовой крышею, обросшей по швам мхом и травкой. Баня глядела на Аверьяныча давно выбитыми окнами и молчала. И Аверьянычу казалось, что она молчит не так, как молчит мертвый, а как-то особенно, лукаво, как человек себе на уме, кое-что знающий и кое-что скрывающий. Повар снял с плеча лопату, взял ее, как ружье, на руку и двинулся к бане,

точно готовясь оружием выпытать от неё тайну. Он отмерил от её сгнившего крыльца два с половиной шага, по направлению к саду и стукнул лопатой о землю. Повар не ошибся. В этом месте земля отвечала на стук особенно гулко. Аверьяныч враждебно покосился на баню и вонзил лопату в землю. Он порыл всего несколько минут и вдруг метнулся в сторону, в диком ужасе, едва не выронив лопату и шепча:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.